

Сергей Белозёров. Конец 60-х. Фото из архива Надежды Иващенко

Немногие знают о тех временах, которые Сергей провел на заре своей юности в небольшом молдавском городе Бельцы, расположенном на юго-западе бывшего СССР. Там при горкоме комсомола было открыто литературное объединение «Мэрцишор», которым руководил поэт и прозаик Владимир Марфин. Я, хоть и занимался живописью и словом, но там бывал крайне редко: не внушало доверия партийное руководство, да и казалось нелепым обсуждать стихи всем скопом. На мой взгляд, власти организовали литобъединение для пишущей молодёжи, чтобы все были не только на виду, но и на счету — молодые поэты и писатели под руководством одного из доверенных поэтов. И всё же мы, студенты и прочая творческая молодежь, тогда еще жили, как оказалось, на последней волне отте-

пели, дозволенной сверху относительной свободы. На исходе лета 1968-го года, в дни приснопамятных пражских событий, мы «услышали» резкий хлопок наглухо закрывшейся двери железного занавеса, у порога которой остался глоток недопитой хрущевской «оттепели». Почти в это же время (или чуть раньше) появился в нашем городе Сергей Белозёров.

Вспоминает Надежда Ивашенцева, первая жена Сергея:

«Это было перед встречей нового 1967 года. Сергей неожиданно приехал в Тулу с вещами, уже уволившись с работы. А жил он тогда и работал на стройке в Советске после отчисления его из техникума, где мы вместе учились. Приехал к матери, уложил чемодан и сказал ей, что поехал в Молдавию. А я к тому времени уже жила и работала в Бельцах в радиотелевизионном ателье, мы с подругой снимали комнату. И когда он приехал, я его стала отговаривать, чтобы он уезжал обратно, потому что принять его негде. На что Сергей ответил, что приехал устраиваться на работу и жить со мной в Молдавии, и вести меня в ЗАГС. Я его стала отговаривать, потому что прописаться в Молдавии было невозможно. На что он мне сказал, что через неделю я буду здесь уже прописан, ты увидишь. Познакомился с каким-то дедом, который сильно выпивал, напоил его, и дед прописал его у себя. Затем он устроился на стройку арматурщиком. А потом уже, после ЗАГСа, мы вместе снимали комнату, и там у нас в октябре 1967 года родилась Танюшка. Он сразу, как приехал в Молдавию, нашёл литературный кружок, со всеми перезнакомился, кто пишет и кто печатается, и всё время с ними в компании пропадал, домой приходил за полночь. Был интересный момент: перед свадьбой мы обошли все магазины в Бельцах, ему кольцо нашли, а мне нет. Пальчики были настолько тонкие, что не было такого размера обручального кольца. Пришлось ехать в Кишинёв, только там нашли кольцо на меня».

Вспоминает участница литобъединения Розалия Бланк:

«Сергей и Надя приехали из Тулы. Кажется, что это был конец 1966-го или начало 1967-го года. Надя после окончания техникума получила распределение в Молдавию. Сережа рассказывал, что, когда выбирали город, он взял карандаш, закрыл глаза и ткнул в карту. Так он с закрытыми глазами и выбрал Бельцы. Впервые увидела Сергея на литобъединении в редакции газеты «Коммунист». Помню многих, кто был в тот день, Сережа сидел в дальнем углу комнаты рядом с прозаиком Василием Медвецким, в руках держал лохматую шапку-ушанку. Вечер был очень холодный. Накануне прошел мокрый снег с дождем, а утром ударил мороз. Деревья стояли во льду, как заколдованные. Было и жутко, и необычайно красиво. А после литобъединения, когда мы шли домой, уже шел снег. Вероятно, это был февраль».

Сергей и Надя жильё меняли дважды. Помню, что жили они вначале на Красноармейской, рядом с городским озером. 26 марта 1967 года Сергей с Надей расписались и сыграли свадьбу. С утра мы, группа молодых поэтов — Галина

Маламант, Василий Медвецкий, Саша Сойфер, Сара Лейзерман — вместе с Сергеем ходили на озеро пускать кораблики. Сережа сказал, что у него свадьба, и он купил ведро котлет. День был настолько теплым, что мы рискнули пройтись по влажному еще лесу. А вечером на литобъединении Медвецкий уже читал свой рассказ «Белые туфельки», в котором описал диалог туфелек и ботинок, бредущих по мокрому лесу, а Сойфер через какое-то время сочинил пародию «Розовые пятки». Дружил Сережа со всеми, но ближе ему был начинающий поэт Саша Теппер и студент филфака, одессит Гриша Берман. Очень нравились ему стихи студента филфака Валентина Линенко, рассказы прозаика Саши Сойфера, с которым часто встречался. Общался же он больше всего со мной. В октябре 1967 года у Белозеровых родилась дочь Таня. В августе 1968 года я уехала в Ленинград учиться на литературном отделении ЛГПИ им. Герцена. А в 1969-м Сережа с Надей и дочкой вернулись в Тулу».

Вспоминает Галина Маламант, поэт и журналист:

«Помню, что когда у него болела дочка, а она у него была — в приоритете, он пропускал заседания «Мэрцишора». Почему-то он был всегда голодный. «Эх, пожевать бы!», — часто слышала от него эту фразу. Всегда вежливый. На мой взгляд — самый талантливый из нас. Тем не менее, о себе писал, что написанное им — «кашица». Принимал участие в вечерах поэзии, читал стихи как-то очень по-своему. Может, поэтому со сцены они воспринимались хуже, чем с листа...»

Вспоминает один из самых близких бельцких друзей Сергея, поэт Александр Теппер:

«В один из вечеров на литобъединение пришёл Сергей Белозёров и скромно сел в сторонке. Немногословный, стеснительный и с приятной улыбкой, он сидел и слушал... Как получилось, что он прочёл свой стих — уже не помню, только всем сразу стало ясно, что парень этот — не случайный эпизод в литературе и не новичок.

Голос тихий, слова произносил немного «окая» и смягчая букву «л». Мы быстро подружились и всё свободное время проводили вместе. Серёжа рассказал мне, что в России стихи не писал, только прозу, а в Молдавии пошли стихи, а проза не идёт. Частенько мы собирались компанией — Роза Бланк, Василий Медведский, Саша Сойфер, Сара Лейзерман, Галя Маламант и другие, всех уже не помню, столько лет прошло... Но Серёжа врезался в мою память как высеченные буквы на граните... Иногда заскакивали домой к известному поэту и писателю Володе Марфину на посиделки, он был старше нас и считался матёрым поэтом. Он любил с нами возиться, как с детьми, иногда поучал и наставлял.

Было весело, мы были молоды и беззаботны, но вот Серёжины глаза почему-то были всегда грустными. Мы были одноклассниками, но он всегда казался беззащитным, словно маленький ребёнок, хотя, читая его стихи, чувствовалось, что написаны они сильным мужчиной. Не помню ни одного случая, когда Серёжа по-

смотрел или разговаривал с кем-нибудь свысока, всегда скромный, сдержанный и очень добрый. Мы с ним часто играли в слова — он всегда побеждал! Помню, он рассказал, как первый рассказ написал, будучи пацаном, и его опубликовали в «Мурзилке». Показывал удостоверение журналиста, говорил, что печатался и в московских издательствах, но без хвастовства.

На стройке он успел поработать несколько месяцев. Одежду, вся что была у него, носил на себе и, когда стирал, порой надевал на себя влажной. Однажды я обратил внимание, что, гуляя с нами, он тащился позади всех. Я спросил его — почему? Сергей, сильно смущаясь, ответил, что у него задники туфель стоптаны и в носках пятка порвана.

Узнав это, наша компания устроила ему день рождения — собрали в складчину деньги, и, купив ему полностью всю одежду и туфли, устроили праздник дома у Сары Лейзерман. Он был в шоке! Но зато впервые его грустную и стеснительную улыбку сменила радостная. Серёжа был счастлив, и он улыбался! Но счастливее его были мы! Он был нашим любимцем и кумиром! Его нельзя было не любить! На стройке, где он работал разнорабочим, в день получки он пропивал с бригадой всю зарплату, часто оставался голодным, вот мне пришлось его оттуда забрать и устроить лаборантом на кафедре физики в лабораторию механики. Всё начало налаживаться, он перестал пить, стал прилично одеваться. Нас печатали в местной газете «Коммунист», в республиканской «Молодёжь Молдавии», мы выступали на молдавском телевидении, по местному радио.

А в Кишинёве, на литобъединении редакции «Молодёжки», известный поэт Рудольф Ольшевский сказал: «Белозёров, ты у нас в папке полугениев!» Вернулся Сергей в Тулу в 1969-м, думаю, от тоски по Родине».

По прошествии лет, уже зная о трагической судьбе Сергея Белозёрова, читая его прекрасные стихи, глядя в его фотографии, общаясь с его давними друзьями, понимаю одно — его появление в нашем городе стало событием. И хотя в Бельцах Сергей прожил короткое время, он стал одной из легенд города и вошел в его историю, в жизнь и память тех, с кем свела его судьба, во многом повлияв на творчество своих друзей.